

Александра Лисина

УЧЕНИЦА БОЕВОГО МАГА

АКАДЕМИЯ ВЫСОКОГО ИСКУССТВА.
Книга 3

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Л63

Лисина, А.

Л63 Академия высокого искусства-3. Ученица боевого мага / А. Лисина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 392 с. — (Академия высокого искусства).

ISBN 978-5-521-91608-5

Айра — самая упрямая адептка Академии высокого искусства. Но не потому, что умудрилась выжить после смертельного удара, а из-за того, что посмела открыто бросить вызов боевому магу Викрану дер Соллену. Теперь ей придется постараться, чтобы ни в чем не уступить ему. И сделать все, чтобы избежать инициации, которую иначе чем унижением не назовешь.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91608-5

© Лисина А., 2023
© Никольская Е., оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Пролог

Его выбросило на скалистый берег, как сломанную игрушку, в которой больше не было надобности. Повертело напоследок в водовороте, притопило холодными волнами и, вдоволь наигравшись, вышвырнуло на камни, лишь чудом при этом не убив.

Даст, придя в себя, судорожно закашлялся, сплевывая тину и налипший на губы песок. Затем с трудом приподнялся на дрожащих руках и с тревогой оглядел массивные нагромождения камней, между которыми ему повезло оказаться.

Моментально оценил высоту круто обрывающегося берега, под которым все еще бесновалось разгневанное море. Зябко передернул плечами, услышав рокот бьющихся внизу волн. Мудро отполз подальше от края и с холодком подумал, что ему действительно повезло: если бы его выбросило чуть ниже, на песчаную косу, тянущуюся вдоль кромки прибоя, то разбуженное грозой море уже слизнуло бы бесчувственное тело обратно. Если бы, напротив, закинуло чуть выше, то его совершенно точно расплющило бы о скалы. Но Всевышний не забыл о своем блудном сыне. И, вероятно, посчитал, что Даст пока не исполнил уготованное ему предназначение.

Оказавшись в относительной безопасности, южанин со стоном перекатился на бок и замер, уставившись в низко повисшее небо, в котором все еще бушевала гроза. Какое-то время просто лежал, не в силах до конца осознать случившееся. Затем зажмурился от внезапно полыхнувшей в небесах молнии, словно ножом распоровшей влажный воздух.

Поежился от оглушительного раската грома. Запоздало почувствовал, как хлещет по обнаженному торсу ледяной, пронизывающий до костей ветер, и только тогда, забыв про выматывающую слабость, резко сел: нужно было убираться отсюда подальше.

Неожиданно где-то неподалеку раздался тихий стон.

Даст неосторожно повернул голову, пытаясь разглядеть собрата по несчастью, но тут же охнул от пронзившей его шею боли и схватился за затылок.

— Демоново племя...

Но стон повторился снова, и южанин, поднявшись, с трудом поковылял на звук. Беспреданно оскальзываясь на мокрых камнях, недобро поминая свою затекшую шею, проклятого Угря, странного мальчишку, едва не угробившего его вместе с кораблем. А еще — это мрачное море, низкое небо и совсем уж ледяные брызги, от которых он моментально продрог до костей.

Непроизвольно пригнувшись от нового громового раската, Даст опасливо покосился за спину, где до сих пор неистовствовала буря. А затем подумал, что Кратт, если и выжил, когда в него ударила молния, то теперь-то уж точно утонул. Как и команда его, и тот маг-идиот, и... прости господи... один славный, упрямый мальчишка, магический потенциал которого они проморгали и по воле которого разверзлась недавно эта бушующая жуть.

Снова услышав стон, воин с тяжелым вздохом отвернулся и, поспешив на голос, громко крикнул:

— Эй! Кто там?!

Впереди тихонько всхлипнули.

— Я...

— А ты кто есть-то?

— Мира... — Между камнями мелькнула мокрая макушка со спутанными в колтуны волосами, а затем показалось

бледное, заплаканное лицо. — Помоги мне! Кажется, я повредила ногу!

Даст охнул, мгновенно ее узнав и только сейчас сообразив, что несчастная девчонка, волей providения не доставшаяся Кратту, тоже уцелела. Чудом выжила, выбралась, до последнего цепляясь за него своими тонкими пальчиками, но потом ее все-таки оторвало и отбросило куда-то в сторону.

Он тогда испугался, что потерял ее навсегда, но теперь облегченно вздохнул и молча вознес хвалу Всевышнему за то, что тот сохранил хотя бы эту невинную душу. После чего уже громче крикнул:

— Подожди, я сейчас тебе помогу!

До Миры он добрался быстро — внезапная радость от мысли, что девушка жива, придала ему сил. Конечно, она была измученной, мокрой и замерзшей. Но, завидев его, все же нашла в себе силы улыбнуться, из-за чего Даст почувствовал себя неловко. И, чтобы скрыть смущение, поспешил опуститься на колени — осмотреть ее распухшую лодыжку.

Перелома, к счастью, не было — лишь сильный ушиб, о чем он сразу же и сообщил. Однако, вместо того чтобы порадоваться, Мира неожиданно сторбилась и горько расплакалась, только сейчас поняв, что самое страшное позади.

— Ну, чего ты? — неловко погладил мокрую макушку Даст. — Жива же... здорова... выберемся теперь. — А потом заглянул в ее огромные испуганные глаза и почему-то добавил: — И ты сможешь вернуться домой. Обещаю.

Мира порывисто к нему прижалась, спрятав заплаканное лицо на его груди. Такая маленькая, хрупкая... совсем еще юная, светлая и нежная, как весенний цветок. Просто чудо, что ее не коснулись похотливые руки Кратта. Чудо, что ей не довелось узнать всех мук позорного плена. Страшно подумать, до чего бы ее довели эти скоты, если бы не Вэйр и его проснувшаяся магия.

— Пойдем, — вздохнул южанин, погладив дрожащую девушку по спине. — Надо отыскать воду и какое-нибудь укрытие. Может, где-то поблизости хижина найдется? Или на кого-нибудь набредем по дороге?

— Куда идти-то? — стуча зубами от холода, спросила Мира. — Я даже не знаю, что это за место.

— Я тоже. Но стоять нельзя. Если не найдем в ближайшее время защиту от ветра, околеем.

Она только кивнула, неохотно отстранившись. Неловко поправила лохмотья, в которые превратилось платье. А потом со стыдом подумала, что их едва хватает, чтобы прикрыть живот и грудь, а оказаться в таком виде рядом с чужим мужчиной — хуже нет позора. Даже если он только что спас ей жизнь.

Даст, перехватив ее настороженный взгляд, отвернулся, хорошо зная, насколько строг в Аргаире Покон. Но делать нечего — сейчас у него не было даже рубахи, чтобы прикрыть ее наготу. А отдать собственные штаны (изорванные и такие же грязные, как платье) и остаться в чем мать родила было еще хуже, чем так.

Решительно взяв девушку за руку, он двинулся вдоль берега, то и дело поглядывая на мокрые скалы и набрасывающиеся на них волны. Спеша добраться до песчаной отмели и виднеющейся вдалеке узкой полоски леса, где можно было хотя бы шалаш сделать, чтобы укрыться от ветра. Вода, опять же, там наверняка будет. Река или крохотный ручеек — неважно. Главное, что она непременно там есть, так что умереть от жажды им не грозит. И от голода, кстати, тоже — хоть ягоды, хоть грибы, но найдутся. Да и вообще, в лесу гораздо проще переждать ночь, чем на продуваемом всеми ветрами берегу.

А ночь-то наступит уже скоро. Магическая буря разыгралась ближе к вечеру, да и корабль какое-то время еще боролся со стихией, стараясь отсрочить неизбежное. Даст

хорошо помнил, что довольно долго цеплялся за скользкую палубу, пытаюсь не сорваться в море. Помнил, как прижимал к себе испуганную девчонку... удивительно ладную, золотоволосую и голубоглазую кроху, чем-то смутно похожую на Вэйра...

Даст поспешно отогнал от себя мысль о мальчишке.

Нет, не выжить ему было. Один, запутавшийся в снастях, обессиливший после своего первого и, судя по всему, последнего магического поединка...

Прости, Вэйр. Ты потратил всю магию на нас, но сам спастись не сумел. Или же просто не захотел? Я этого уже не видел. Знай, что только благодаря тебе Мира осталась жива. И покойся с миром, мальчик: ты сделал все, что хотел.

Даст прерывисто вздохнул, стараясь не думать о парнишке, которому тоже был обязан жизнью, а потом заметил нечто странное и невольно замедлил шаг.

Не успевающая за ним Мира... а шагал он широко, быстро... ухватила его за руку и устало прижалась. Но южанин словно не заметил — напряженно всматривался вдаль, силясь что-то разглядеть в показавшейся впереди горе мусора, водорослей и тины. А потом внезапно вскрикнул и почти бегом кинулся в ту сторону, бормоча под нос что-то неразборчивое и, кажется, даже ругаясь.

Мира удивленно замерла, когда смуглокожий нахибец вдруг упал на колени и торопливо заработал руками, разрывая мокрый песок. Наконец высвободил из-под него чье-то неподвижное тело, обхватил безвольно мотнувшуюся голову с потемневшими от воды, спутанными, но все еще довольно светлыми волосами. На мгновение неверяще всмотрелся в обескровленное лицо и с неимоверным облегчением выдохнул:

— Хвала Всевышнему... живой! Вэйр... Вэйр, ты меня слышишь?!

Глава 1

Блаженная тишина. Густая темнота, которая ласково обнимает со всех сторон. И уютное ложе, которое словно создано для того, чтобы никогда с него не вставать.

Вот только она не чувствует тела. Не ощущает подушки из трав и прошлогодней листвы. Не двигается. Почти не дышит. И не слышит ничего, кроме доносящегося откуда-то издалика биения чьего-то огромного сердца.

Она просто лежит в чьем-то гигантском нутре, как в удобной колыбели. Но в то же время живет и видит странные сны.

День... ночь, с завидным постоянством сменяющие друг друга. Солнце и луну, день за днем проходящие по небосводу утомительно долгий путь.

Она часто видит, как проливной дождь с силой обрушивается на городские крыши, яростно молотя по черепице крупными частыми каплями. Видит, как вскоре его сменяет ласково улыбающееся солнце, играющее яркими лучиками на голубой ленте вьющейся на горизонте реки.

Порой перед ее глазами проносятся шумящие леса, кажущиеся необъятным зеленым морем. Иногда среди них встречаются небольшие островки — рощицы, прогалины, поляны и даже пашни, за которыми виднеются старые, подчас заброшенные кладбища. А также — города, деревни и села, где кипит смутно знакомая, но малопонятная для нее жизнь.

Почти каждый день перед ее мысленным взором проходят сотни лиц, меняющиеся в одночасье, как странные, чуждые ее пониманию картинки. Старые, молодые... краси-

вые и уродливые... они следуют друг за другом так быстро, что их совершенно невозможно запомнить. Но, если хотя бы на мгновение заглянуть им в глаза, то можно увидеть целую жизнь, а затем прожить от самого первого вдоха вплоть до последнего стога. И погрузиться в нее с головой, забывая о том, что на самом деле это всего лишь красочный сон.

Она совсем не боится заглядывать в чужое прошлое и часто видит, как абсолютно чужие ей люди живут, что-то строят, а затем почему-то рушат... сражаются, мирятся... порой лгут, хитрят, глумятся друг над другом. Куда-то бегут, постоянно опаздывая. Что-то делают, суетятся, болеют. А затем все равно умирают, нередко не закончив и десятой доли того, что хотели бы совершить.

А еще она слышит голоса. Иногда приятные и радостные. Иногда, напротив, холодные и злые. Которые то визгливо кричат, отчаянно споря, то болезненно стонут или даже что-то жарко шепчут друг другу, вероятно, считая, что никто этого не услышит...

Вокруг нее не жарко, не холодно. Не светло, но и полной темнотой это тоже назвать никак нельзя. Ветра нет. Дневной свет не раздражает ее своей излишней навязчивостью. Зато повсюду, куда ни глянь, вьется плотный туман, обволакивающий тело и душу. Станный лиловый туман, который постепенно забирается внутрь и сворачивается клубком там, где когда-то билось живое сердце. Осторожно и постепенно, словно боясь навредить, он с каждым вдохом становится все плотнее и ближе. А иногда начинает мерно пульсировать, подчиняясь все тому же настойчивому ритму, благодаря которому существует все живое. И лишь иногда расступается, позволяя уставшему от неподвижности телу немного пошевелиться. Помогает расправить руки, повернуть голову с выцветшими, поблекшими без живительного солнечного света волосами. Дает возможность глубоко

вдохнуть, но вместе с дыханием и сам возвращается, постепенно проникая все глубже и глубже.

Не жизнь и не смерть.

Не боль и не радость.

Не лето, не зима.

Нечто странное творится вокруг неподвижно лежащей девочки. Она вроде спит, но глаза ее широко раскрыты. Тихонько дышит, но в этом дыхании нет четкого ритма — оно то редкое, как у залегшего в спячку медведя, то слишком частое, как у ударающего от опасности мышонка.

Ее не тревожат опадающие с огромного Древа лиловые листья. Ее не способны разбудить ни бури, ни грозы, ни дожди. Она безмятежно спит в колыбели Мира. Всего лишь маленькая девочка, для которой в тишине так размеренно и тихо бьется далекое, но такое родное Сердце...

Господин Лоур аккуратно прикрыл дверь лечебной комнаты и озабоченно нахмурил седые брови. В ту же секунду в коридоре раздался звук быстро приближающихся шагов, а потом рядом с маленьким целителем возникла, словно из пустоты, густая черная тень.

— Как она? — негромко спросил Викран дер Соллен.

— Плохо.

— Стало хуже?

— Нет, — поджал губы господин Лоур. — Но и улучшений никаких. Она не встает, не говорит, ни на что не реагирует и почти не дышит.

— А метаморф?

— Аналогично.

— Лер Альварис будет недоволен, — задумчиво обронил боевой маг. — Ему нужна эта девочка. Очень. И желательно живой.

— Да как вы смеете?! — неожиданно взвился почтенный лекарь. — Она умирает прямо у вас на глазах, а вы говорите,